

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 32

1983

Виктор СМИРНОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БЕРЕГ БЫТИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Виктор СМИРНОВ

БЕРЕГ БЫТИЯ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Виктор СМИРНОВ

Виктор Петрович Смирнов родился 10 марта 1942 года в деревне Киселевке Починковского района Смоленской области. После окончания десятилетки работал сотрудником районной газеты. Отслужив в армии, трудился в родном колхозе.

В 1965 году по рекомендации А. Т. Твардовского поступил на очное отделение Литературного института имени А. М. Горького. Учился в творческом семинаре С. С. Наровчатова. С его предисловием в 1971 году в издательстве «Московский рабочий» вышла первая книга стихов Виктора Смирнова «Русское поле». Затем издательство «Советский писатель» выпустило два его поэтических сборника: «Громовая криница» (1975 г.) и «Прялка матери» (1980 г.). В прошлом году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга «Осиновый огонь».

Виктор Смирнов живет на Смоленщине. Он член КПСС, член Союза писателей СССР, лауреат премии журнала «Огонек».

* * *

У сердца много дела на земле:
Оно в себе хранить должно бывшее —
И мирное хранить и боевое.
И знать о холоде и о тепле —
Оно ведь по земле идет босое.

Оно должно хранить ушедший свет
Других сердец, что под луной стучали.
Чтобы его заметный в мире след
И след родного сердца совпадали.
И чтобы каждый в стужу был согрет.

У сердца — золотая глубина.
Загадка — жизнь,
Но смерть — вдвойне загадка.
Лишь сердце знает, что на свете сладко,
Что горько. Коль горит голубизна,
Ему ль бояться туч, бредущих шатко?

...А век с великим грохотом спешит.
В полете торопливом люди, крыши.
Но наступает тишина — и слышно,
Как сердце человечества стучит
И синеву небесную колышет...

* * *

Просыпаюсь. Заря за дверью
Ждет, в луга заливные маня...
Отними у меня деревню —
Что останется от меня?
Отними у меня покосы —
Чем я встречу начало дня?

Отними у меня березы —
Что останется от меня?

Не хожу по ковровым дорожкам,
Верность узким тропкам храня.
Отними у меня гармошку —
Что останется от меня?

Я любые беды осилю
С теми, кто мне по духу родня.
Отними у меня Россию —
Что останется от меня?

* * *

Речки, тропы. Ракиты и клены.
Запах сена в родимом селе.
И ячмень отбивает поклоны
Лишь его породившей земле.

Сын деревни, я полон стремленья
Быть с природой, к ней сердцем приник...
И поставят меня на колени
Только ягода, только родник!

* * *

Калитка осеннего сада.
Высокого неба шатер.
Доверчивость тихого взгляда,
Безмолвный широкий простор.

Пес, бодро сидящий у будки,
Идущие лугом стога.
И слышно, как жадные утки
Щекочут до слез берега.

Резное родное крылечко.
Старательный хрип петушка.
До доньшка ясная речка,
Плывущие в ней облака.

Стук яблок доносится редкий...
И, счастья не выдав ничем,
Гляжу я на губы соседки
И сладкое яблоко ем.

* * *

До деревни три версты, не боле.
Слава богу, я не старичок.
Лунная дорога через поле
Светится, как у волка зрачок.

Вся во власти долгого ночлега,
Звездам над собой гореть веля,
Голубое одеяло снега
Натянула спящая земля.

Спит земля, обнявшись с небосводом,
Что ей злость январских холодов?
И летит за мною самолетом
Гул заиндевелых проводов.

Где-то вдруг залаяли собаки.
Может, зверь им чудится в ночи?
Хорошо свои ночные страхи
Вспоминать спокойно на печи.

И приснится мне помимо воли:
Чуткое молчанье деревень.
Лунная дорога через поле.
И моя испуганная тень.

* * *

У матери — счастливое лицо,
Хотя давно уж сделалась седою.
Подносит к уху теплое яйцо
И слышит: жизнь пищит за скорлупою.

А с юга надвигается гроза,
С дороги поднимая тучи пыли...
У матери — счастливые глаза,
Какими только в молодости были.

И сам я погружаюсь в мир крестьянский:
Пасу корову и кормлю цыплят.
И оживают снова детства краски.
И в сердце думы светлые царят.

А вечер соловьем поет на ветке.
Темнеют деревенские луга.
И до утра, как добрая наседка,
На небе звезды сторожит луна...

* * *

Е. А.

В пойме луга родного
Одинаково мил
Ветер с поля ржаного,
Ветер с отчих могил.

Вижу сердцем ранимым
Речку и деревцо.
Этим ветрам родимым
Подставляю лицо.

В ярком солнечном свете
Путь меж ними держу.
Ветром жизни и смерти
Полной грудью дышу.

* * *

В песок пустой сотрутся жернова.
Крепчайший лед под тяжким ломом брызнет.
И только боль бессмертна. Боль жива,
Поскольку боль — сама зародыш жизни.

От этого никто не убежит.
Для всех и для всего закон жестокий.
Живут рожденные лишь болью строки.
И ты живешь, пока душа болит...

ОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

Смотри: красотища какая!
Пасется у рощицы конь,

В которой от края до края
Осиновый ходит огонь.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком.

Он полон веселой угрозы.
Гордится размахом своим.
И пламенем желтым береза
Не в силах соперничать с ним.

И даже не в меру серьезны —
Луне удалось подсмотреть —
С бугра ночью звездною сосны
Бегут к нему руки погреть.

Бушует над узкой дорогой,
Срываясь бесшумно с ветвей.
И в бывшей церквушке убогой
Светло, как при сотне свечей.

Ну как тут не заглядеться,
Не помня, не зная забот!
И, чтобы не загореться,
Повыше гудит самолет.

Но, черным клубком вырастая
Бесстрашно над самым огнем,
Грачиная громкая стая
В пути будет помнить о нем.

В предчувствии зимней погони,
Что в чуб мне метнет седину,
И сам я поспешно ладони
К осиновым искрам тяну.

* * *

Быть может, в поисках меня блуждая,
Разбрасывая темень по бокам,
Удача шла, как рыба большая,—
Лишь волны робко жались к берегам.

Я бросил сеть. И, кутаясь в накидку,
Удачи ждал, как ждут луга восход.
Но тонкая не выдержала нитка —
Моя удача унеслась вперед!

Угрюмо я вернулся к дому прямо,
Идя сквозь лепестковую метель.
Смотрю: не говоря ни слова, мама
Садится тихо за свою кудель.

Лучи листву ласкают над калиткой.
За прялкой сидя, свято верит мать,
Что сетью из льняной суровой нитки
Ту рыбину удастся мне поймать.

* * *

Лист осенний жалится осюю.
Роща вид печальный обрела.
И старуха на лугу с козою
Тихо дремлет, словно умерла.

Прислонилась к молодой раките —
И закрыла к солнышку глаза.
И, вращаясь по своей орбите,
Щиплет травку блеклую коза.

И глядеть со стороны неловко —
Даже сердце от тоски щемит:
Дергается тонкая веревка,
Старческую руку шевелит...

* * *

Ночная пошатнулась мгла,
И небо зазвенело,
Когда татарская стрела
Со свистом полетела!

И чужь, как гремит гроза
У мирного порога,
Скупая русская слеза
Отправилась в дорогу.

Стрела легла средь ивняка —
Она в пути устала.
Слеза, пронзившая века,
На грудь мою упала!

* * *

Видишь: солнце над нами. Грозу не зови.
Ветру спящему буря пока что не снится...
Не расшатывай дерево нашей любви —
В нем гнездятся такие веселые птицы!

Пусть на ветках качаются мысли твои.
Пусть душа, как листва, не страдает от пыли.
Не расшатывай дерево нашей любви —
Мы с тобою недавно его посадили.

Дождь руками горячими жадно лови.
Лишь в зените живи. Жить иначе нелепо.
Не расшатывай дерево нашей любви:
Если рухнет оно — значит, рухнет и небо!

Ах, как здорово бьют по сердцам соловьи!
А луга за рекою гривасты, что кони.
Не расшатывай дерево нашей любви —
У него ведь еще не окрепшие корни...

* * *

Слух ласкало шоссейное эхо.
Теща зренье, мелькали столбы.
Лишь потом спохватился: проехал
Мимо матери, мимо избы.

Разве рад я, что мчался к успеху?
Пусть легко одолел рубежи!
Так мне тяжело, как будто проехал
Мимо совести, мимо души.

* * *

Ночное мерцанье звезды.
Крыльца золотые ступени.
Сияние черной воды
На белой цветущей сирени.

И в отблесках ярких видна,
Веселой весною согрета,
Сквозь темень катила волна
Тревожное облако света...

* * *

В этом зеркале ты отражалась,
С ним беседовать молча любя.
В этом зеркале что-то осталось
От воздушной и странной тебя.

Осторожно влетая в оконце,
Словно твой воплотившийся дух,
Возле зеркала вьется и вьется
Тополиный светящийся пух...

* * *

Мне бег ее казался вечным...
Но, этой вере вопреки,
Поля раздвинулись и речку
Зажали, будто бы в тиски.

А что, как век ее осушит,
Решительно верша свое?
А ведь она впадает в душу
И вытекает из нее...

* * *

Увижу калину — и сразу Шукшин
Меж ягод огнем загорится.
Огромный костер до небесных вершин —
Ладонью не заслониться.

Калина качает на красном крыле —
И ветки ничуть не ослабли! —
Заветное имя того, кто земле
Всю боль свою отдал до капли.

Лишь осень настанет — в багряных лучах,
Под крик журавлиного клина
Пылает бессмертно в российских лесах
Калина, калина, калина...

* * *

Если ты прямо в губы рядом
Обжигающе дышишь в ночи,—
Охмелевшее сердце радо:
Жизнь прекрасна! Оно молчит.

А когда одиноко в доме,
Сердце в песне находит приют.
Я давно заметил, что вдовы
Лучше всех на свете поют.

Им одним лишь, видно, известно
По земному зову в крови,
Что любая под небом песня —
Это скрытная жажда любви.

СТИХИ О СТАРУХЕ

1

Устали у старухи ноги.
А до деревни долгий путь.
Старуха села у дороги,
Чтобы на травке отдохнуть.

Она одна — куда ей деться?
Ее пустое ждет жилье.
А веку некогда взглядеться
В лицо печальное ее.

Ревели бешено машины,
Мелькая птицами в овсе.
И слышала она, как шины
Шуршали шибко по шоссе.

Какая светлая опушка!
А на окраине села
До крыши дряхлая избушка
Крапивой сочной заросла.

Смотрело солнце на старуху
Из-за березовых ветвей.
Давно ни слуху и ни духу
От четверых ее детей.

Давно ни строчки, ни полстрочки.
Обида горькая в груди.
Болят вот ноги — то цветочки.
А ягодки — те впереди.

Зимой с дровами ой как плохо!
Грустит, седая, от забот.
А сумасшедшая эпоха
Несется радостно вперед...

2

Жила-была в селе старуха
До солнечных июльских дней.
Мы думали, что вековуха.
Но смертью собрала детей.

До блеска пол натерли грязный,
Бурьян скосили у плетня.
На похороны как на праздник,
Впервые съехалась родня.

И повторяя: «Мама, мама», —
Над прахом тощим и седым,
Шагает вслед за гробом дама,
Нарядом хвастаясь своим.

Едва притронувшись к обеду,
Слегка пирог смочив слезой,
Отгостевав, они уедут,
Исполнив долг печальный свой.

И лишь избушка в два окошка
Стоит — глухой тоски причал.
И умершей хозяйки кошка
Так громко плачет по ночам...

* * *

Погасла в небе первая звезда.
За ней — вторая. За второю — третья.
И потемнела в озере вода
На эти звезды, что уже не светят.

А через миг она горит, слепя,
Да так, что блики светятся на суше.
И мнится: звезды, как людские души,
Вода глубинно вобрала в себя.

Пророка о грядущем жарком дне,
Заря, как утка, плещется багряно.
Над озером — фонтанчики тумана,
Как будто кто-то дышит там, на дне...

* * *

Снег за окном сиял и пел.
Звенели звезды.
К нам ангел смерти прилетел
В час очень поздний.

Тревожа за рекою лог,
Трубили горны,
Когда на лица наши лег
Он тенью черной.

Он совершил огромный путь
В просторах синих.
Но губы наши разомкнуть
Он был не в силах.

Богами были мы в ночи —
Сразить нас нечем.
Летели святости лучи
Ему навстречу.

И крылья он сменил свои
Под небесами.
И светлым ангелом любви
Парил над нами.

КОЛОДЕЦ

Как ни пустынна высь без солнца,
Что село за стога, слепя,—
На свете нет мрачней колодца,
Который исчерпал себя.

Он всех поил и в зной жестокий
И в лютые морозы. Но...
А люди думали: глубокий.
А в нем так близко было дно.

Бранились бабы. В самом деле:
Что делать? Кончилась вода.
И звезды те, что в нем горели,
Теперь погасли навсегда.

Над ним склонились злые лица.
Но ведра, как ни злись, пусты.
А с ним бы взять и поделиться
Звянущей каплей доброты...

В груди — тревожное волнение.
Стою безмолвно в тишине.
Родник былого вдохновенья,
Что как иссякнешь ты во мне?

* * *

Летели в небе журавли,
Дыша родным рассветом вольно.
От крыльев вниз и вверх текли
Весеннего пространства волны.

И, подчиняясь той волне,
Которая земли коснулась,
Мне показалось, что во сне
Ресницы дочери качнулись...

* * *

Пусть вечна истина простая:
Спасенье — вместе, порознь — смерть,
Но этот грач не выбрал стаю,
С которой в дальний путь лететь.

Одна казалась слишком слабой,
Другая сильной чересчур.
И около моей усадьбы
Сидел он, точно ворон, хмур.

И, не желая с ним проститься,
Считая не за своего,
Любившие друг друга птицы
Возненавидели его.

А он как будто мстил кому-то
За то, что горд не в меру он,
Не зная, что зимою лютой
Придется жить среди ворон.

Так тосковал он, замерзая
В снегах, что из последних сил
Весной навстречу первой стае
На крыльях ослабевших взмыл.

Но, слиться с нею не успевший,
Он счастья так и не узнал,
Поскольку на сугроб осевший
У первого ручья упал.

* * *

Яркость луга. Ольхи высота.
Девки красной крылатые брови.
Ты стремилась всегда, красота,
Отразиться в единственном слове.

И коль это случилось порой,
Ликовал я, шатаясь, как пьяный,
По родной широте полевой,
По родимой пахучей поляне.

Я, наверно, старею: в лесу,
В поле, там, где ячмень колосится,
Красота переходит в слезу,
Чтоб в ее чистоте отразиться...

* * *

Я о любви кричал во тьму!
Тянулся к звездам каждый колос.
По тонким проводам твой голос
Бежал навстречу моему.

Бежал, волнуясь, торопясь,
Сюда, в немеренные дали.
Нет, он не мог в ночи пропасть —
Он знал: его, как солнца, ждали.

Мои слова к твоим словам
Припали с жадным нетерпеньем.
И властью высшею столбам
Вернули звание деревьев.

Вернули им былые дни.
Вернули им рассвет росистый.
Мы говорили — и они
Живые распускали листья.

Редела мгла со всех сторон.
По-детски листья лепетали.
Ни галок в небе, ни ворон —
Одни лишь ласточки летали.

Когда наш разговор над лугом
Угас — померкла сразу высь.
И, как слепые, друг за другом
Столбы по полю поплелись...

РОЗОВОЕ ОБЛАКО

Мать громко кур у хлева созывает.
Деревня погружается во тьму...

А розовое облако сияет,
Как будто очень весело ему.

Ночь в огород шагнула через прясло.
Скрипит дергач тревожно у межи.
Давно на небе облако погасло,
Свой свет оставив для моей души.

Пусть крепко спит усталая природа,
Пусть звезды тихо капаят в траву,
Пусть мрак царит кругом, но до восхода
С тем светом как-нибудь я доживу!

* * *

Мне в этой келье незнакомой
Уютно, весело, светло.
В окне я вижу угол дома
И неба синее крыло.

И рослый папа неумело
Несет ребенка на плечах.
И голуби бумагой белой
Сверкают в солнечных лучах.

Я слышу быстрых крыльев пенье.
И, гости редкие столиц,
Мелькнут грачи, как будто тени
Беспечных благородных птиц.

И мне напомнят вдруг они
Из голубых просторов летних,
Что близятся темнее дни,
Как тени дней вот этих светлых.

* * *

Сто вьюг, сто морозов земле
Исполнилось — песенка спета.
А этой вот песне во мгле
Всего лишь три тихих рассвета.

Не к месту ты, трель соловья!
Но что это? Ночь пропадает.
И тянется к песне земля,
А песня к земле припадает.

* * *

Отогрелась на солнышке первая бабочка
И раскрыла цветастые крылья свои.
И, на луг собирая влюбленные парочки,
Поднялась над землею, как радость земли.

Мы, привыкшие к зимним морозам и вьюгам,
Словно вспомнили вдруг: есть на свете мечты!
И мелькала та бабочка мирно над лугом,
Будто сеяла с крыльев живые цветы...

* * *

Дай, природа, мне взаймы
Рощ осенних позолоту,
Самый первый снег зимы,
Медленность его полета.

Дай саней морозный бег.
Иней на ветвях у клена.
Дай разлив ревущих рек.
Дай лугов наряд зеленый.

Дай взаймы твою весну
С гулом сева. С тишиною.
Не скупись. Я долг верну,
Став листвою, землей, травкою...

* * *

Внезапно отхлынули беды,
В душе не оставив следа,—
Как будто бы тихо из бездны
Всплыла и очнулась звезда.

И сразу раздвинулся вечер,
Являя луны серебро,—
Как будто я праздновал встречу
С мирами где правит добро.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Спал сад. Спала за речкою пшеница.
Туман сиял над лугом голубой,
Вдруг звезды заслонив, ночная птица
Бесшумно пронеслась над головой.

Я был испуган этой гостьей поздней —
Я, глядя в небо, думал про свое.
Когда бы не исчезнувшие звезды,
Во тьме я не увидел бы ее.

Душа о птице бы уже забыла —
Ведь у нее забот полно иных,
Но звезды, что на миг она закрыла,
Пронзают душу ярче остальных...

* * *

Когда застанет дождь в Москве
На улице широкой,
Я представляю, как в траве
Шумит он возле окон.

Как тихо радуется луг
Прохладной летней влаге.
Как из-за тучи солнца луч
Блеснет с лихой отвагой.

Как остро пахнут тополя.
Как, утоляя жажду,
Мои родимые поля
Жизнь славят стеблем каждым.

И очень трудно мне всегда
Смириться с грустным фактом,
Что бесполезная вода
Грохочет по асфальту...

* * *

Вячеславу Горбачеву

Тяжких волн упорная работа.
Вечный труд без фальши, без нытья.
Тише, тише — снова вышел кто-то
На зеленый берег бытия.

И, беря луч солнца звонким посохом,
Золотому внемля соловью,
Тянет за собою следом посуху
Лодку он. А может, жизнь свою...

Сердцем то печальным, то веселым
Вновь услышит: океан поет.
И обрадуется вечным волнам —
И по ним куда-то поплывет...

* * *

Улыбка на губах
Моих полна доверья,
Когда в моих глазах
Качаются деревья.

И лодка на волне.
И яркость освещенья.
И лучшее во мне —
Не эти ль отраженья?

* * *

Что жизнь — река, давно мы уяснили.
Нам плыть дано, враждуя и любя.
Но если недруги меня топили,
То я лишь глубже уходил в себя.

Скажите: сам нырнул бы так? Едва ли.
Твердишь ты: с добрыми людьми дружи!
Но недруги — они мне помогали
Богатства находить на дне души.

* * *

Роня грозный гул с высот,
Черкнув крылом по солнцу,
Над зимним лесом самолет,
Как летний гром, пронесся.

И вздрогнула от страха ель.
И рухнул снег с березы.
Такая поднялась метель,
Как будто бомбу сбросил.

И по душе прошел озноб:
За дальними стволами
До боли ало был сугроб
Обрызган снегирами.

А самолет исчез вдали —
Лучи к нему — как стропы.
А струйки снегирей текли
На дно былых окопов...

* * *

Новый день взвалив на плечи,
Не устав на свете жить,
Мать затапливает печку,
Чтобы с миром говорить.

И, трудясь неутомимо,
Так, что пот блестит на лбу,
К небесам веревкой дыма
Привязала мать избу.

Были слезы, были войны
В трудной маминой судьбе.
Но пылает печь — вороны
Жмутся радостно к трубе.

И как будто возле сердца,
Что светло в груди стучит,
Около печи согреться
И моя строка спешит.

Пусть ложатся снега хлопья
На луга и на поля —
Если печку мама топит,
То тепло тебе, земля...

* * *

Вот говорят: закат багров к беде.
Но нет беды. Ночь радует, как небыль.
И словно бы кувшинки на воде,
Сияют звезды с черной глади неба.

Их унести теченью не дано
Туда, где птиц ночных тревожны крики.
Они, как на реке родной кувшинки,
Корнями крепко держатся за дно.

* * *

Ветерок из-за лозы струится.
Лодка на цепи — не знаю, чья.
И вода под солнцем серебрится
Ярко, словно рыба чешуя.

Бьет по зренью луч, в реке зажженный.
Нету мочи здесь, на берегу.
Но стою я как замороженный —
Будто бы споткнулся на бегу.

Что-то вдруг плеснет чуть слышно в сердце,
Вспыхнет в лад мерцающей волне.
Станет весело, как в давнем детстве:
Все былое выжжено во мне.

Некогда. Но я не убегаю.
Чувствую: в душе растет добро.
Золотое время убиваю
На речное это серебро.

Ухожу, очищен и возвышен.
Даром не прошли мгновенья те:
Целый день я ничего не вижу —
Только звезды блещут в темноте...

СТОГ

Ушли. Не завершили стог.
А ночью ветер грянул.
И председатель, хмур и строг,
В окно тревожно глянул.

С порожним гулом по селу
Катился гром без спроса.
Болело сердце. По стеклу
Текли не капли — слезы.

Теперь как хочешь слезы лей,
А сенушко намокло.
Себя ругал он — не людей.
А тучи шли на окна.

Как смел он о простом забыть:
Быть ливню, если жарко.
За час могли бы завершить.
А так — весь труд насмарку.

Я был с ним рядом. Оттого
Душа моя страдала.
Я чувствовал: беда его
Моей бедою стала.

Не знаю, сколько в мире жить,
То радуясь, то плача,—
Успеть бы только завершить
Тот стог, что мною начат.

* * *

Ольха гнездо грачиное колышет.
Как одинок пастух на берегу!
Согнувшись, будто бы старик, под крышу
От ливня и от молнии бегу.

А чья-то очень смелая девчонка
Стоит, грозу встречая, над рекой.
Взлетает дерзко легкая юбчонка,
Но гаснет вдруг послушно под рукой.

Над лугом воздух сладкий и тягучий,
Как губы у девчонок озорных.
Но годы надвигаются, как тучи,—
И крыши нет, чтоб спрятаться от них.

День, что слепил весенним солнцем, где он?
Как гулко бьет река о берега!
И самолет, как лермонтовский демон,
Летит сквозь грозовые облака.

* * *

Ныряю с берега... Пылит свирепо
Телега та, что не видна во ржи.
Спит ветер. Широко синее небо,
В котором шустро шастают стрижи.

Рожь — не вода. Но вроде коромысла,
Являющего родственную пруть,
Над нею пыль извилисто повисла,
Стараясь бег дороги повторить.

Ничтожна пыль. Смешна своею ролью.
Но не до смеха будет, коль учесть:
Ведь если бы не эта пыль над рожью,
Кто знал бы, что во ржи дорога есть?

* * *

Все забуду, кроме этих пашен,
Что весной ранней плуга ждут.
Все забуду, кроме древних башен,
Что воспоминаньями живут.

Все забуду, кроме далее близких,
Кроме роц, где дремлют вечера.
Все забуду, кроме материнских
Мудрых слов, мне сказанных вчера.

Все забуду, кроме той обиды,
От которой стонет грудь до дна.
Все забуду, кроме той ракиты,
Под которой светится Десна.

Все забуду, кроме той пучины,
Где вода клокочет без конца.
Все забуду, кроме паутины,
Что смывала ты в лесу с лица.

Все забуду, кроме лебединых
Самых белых, самых легких крыл.
Все забуду, кроме губ любимых,
От которых в мире все забыл...

* * *

И солнце и звезды мертвы.
Мы ходим под кронами слепо.
Деревья лишились листвы —
И люди увидели небо.

На землю сошла высота,
Победно в глаза засияла.
Как долго одна красота
Другую собой заслоняла!

Но здесь, на сторонке лесной,
Никто обойден ими не был:
Вчера любовались листвой,
Сегодня любимся небом.

Так, долгу верна своему,
Как мы бы ее ни губили,
Природа зовет к одному,
Чтоб люди красивыми были.

* * *

Добром за добро я плачу.
Люблю человечность и волю.

Но хлопать себя по плечу
Не каждой руке я позволю.

Не граблями, не косою
И вовсе не сталью станка —
Ничтожеством и клеветою
Иная пропахла рука.

Такая не в поле потеет.
Привыкшая пенки снимать,
Как будто бы мягко постелет,
Да жестко приходится спать.

С такою мне чуждо соседство...
Хоть ты грубовата слегка —
Ложись на плечо и на сердце,
Пропахшая хлебом рука.

МАТЕРИ

1

Мать весь вечер — об одном:
Буду ли в конце недели?
Ворох листьев под окном:
На огонь, видать, летели.

Без меня в трубе ветрам
Гимн зиме слагать сурово.
Мать не спит. По вечерам
Под окном растут сугробы.

Сам, как говорят, в годах,
Из краев отнюдь не близких
Я лечу на свет в глазах
Самых близких,— материнских...

2

Мать седая огород копала,
Радуясь весеннему теплу.
Первая кукушка куковала
Солнечному нашему селу.

Слишком щедро сыпала годами.
И, бумагу перестав марать,
Я увидел — старыми губами
Вслед за нею шевелила мать.

Мать моя печально улыбалась,
Уронив горошину слезы.
А кукушка все не унималась,
Захмелев от зелени лозы...

БЛИЖЕ ВСЕХ МНЕ, КОНЕЧНО, ЕСЕНИН

Ближе всех мне, конечно, Есенин.
Потому ли, что сам из села,
Потому ль, что сугробы нам в сени
Золотая метель намела.

Налипает листва на колеса,
Отражаясь в глазах у коня.
Стая рыжих берез среди сосен
Приглашает к раздумью меня.

Забываю обиды, печали,
Пышной прелестью леса шурша.
Только здесь, на родимом причале,
Постигает земное душа.

Здесь, где жарко пылает осина,
Вижу Родины мощь и красу.
И щемящее слово — Россия —
С новой силою произнесу!

С уважением кланяюсь кленам,
Сердцем слушаю шелест ольхи.
И с есенинским нежным уклоном
На бумагу ложатся стихи.

Не гонюсь я за слов дешевизной,
Но и слез огорченья не лью,
Если строчка моя об Отчизне
На его попадет колею.

Я противник поэзии модной,
Что гремит вроде бочки пустой.
Восхищаюсь я песней народной
И крестьянской мыслью простой.

Озаренный пожаром осенним,
Я иду — и дорога светла...
Ближе всех мне, конечно, Есенин,
Потому что я сам из села!

* * *

Сестре Тамаре

Работа эта мне знакома,
Но воз наложишь не всегда.
Ржаная скользкая солома
Течет с телеги, как вода.

Я весь пропитан духом хлеба!
Душа крестьянская поет.
И вилами с земли на небо
Сестра охапки подает.

Вознесшись дерзко над полями,
Невольно я собой горжусь,
Поскольку вровень с облаками
На шаткой должности тружусь.

Да и сестра с ухваткой ловкой
Бросает — любо посмотреть!
Надежно толстою веревкой
С телегою скрепляем жердь.

И вот ни валко и ни шатко
Везет по шаткому жнивью
Привыкшая к труду лошадка
Поклажу тяжкую свою...

С делами справившись колхоза,
Стараться для себя не лень.
Скрипят веселые колеса,
Играют радостно весь день.

И мама расцветает розой,
В час поздний выйдя на порог:
В соседстве с золотой березой
Такого ж цвета вырос стог.

И месяц молодой с участием
Усердно светит в вышине.
И верю я: простое счастье
Все время будет жить во мне.

А трудно станет — я ведь дома.
Меня здесь каждый встретить рад.
К тому же дома и солома
Порой едома, говорят...

* * *

Человечество, где твои кони?
На какой заблудились тропе?
Не помогут за счастьем в погоне
Ни колеса, ни крылья тебе.

Не убавилось в мире печали.
Мчась небесным путем и земным,
Может, счастье мы перегнали
В этой бешеной гонке за ним?

И, убитое горем разлуки,
Тени длинные бросив на сад,
Не оно ли простерло к нам руки
И кричит: «Воротитесь назад!..»

* * *

Дом как дом. Чугунки да ухваты,
И на скатерти — свет от звезды...
Но венком расцветают у хаты
Золотою весной цветы.

О колодезь, любви соучастник,
Ты для нас ничего не жалея

И прозрачного, чистого счастья
Милой полные ведра налей!

Пусть потомству расскажет травинка,
Что счастливее нас не найдешь.
Это нашего счастья тропинка,
По которой ты воду несешь.

Взглядом долгим тебя провожаю.
Ах, краса — не отыщешь пера!..
И к горячим устам прижимаю
Все ромашки во имя добра.

* * *

Нет, не зябко дороге лесной
Вылетать на родные просторы..
Обрастают деревья листвою,
Обрастают травой косогоры.

Обрастает туманами ель,
А ольха — соловьиным свистом.
Жизнь, бессмысленная досель,
Обрастает высоким смыслом.

Рвется радостно в небосвод
То, что жалось к земле покорно.
Что трава — даже слово растет
От могучего русского корня!

СОДЕРЖАНИЕ

«У сердца много дела на земле...»	3
«Просыпаюсь. Заря за дверью...»	3
«Речки, тропы. Ракиты и клены...»	4
«Калитка осеннего сада...»	4
«До деревни три версты, не боле...»	5
«У матери — счастливое лицо...»	5
«В пойме луга родного...»	6
«В песок пустой сотрутся жернова...»	6
Осиновый огонь	6
«Быть может, в поисках меня блуждая...»	7
«Лист осенний жалится осою...»	8
«Ночная пошатнулась мгла...»	8
«Видишь: солнце над нами. Грозу не зови...»	9
«Слух ласкало шоссейное эхо...»	9
«Ночное мерцанье звезды...»	10
«В этом зеркале ты отражалась...»	10
«Мне бег ее казался вечным...»	10
«Увижу калину — и сразу Шукшин...»	11
«Если ты прямо в губы рядом...»	11
Стихи о старухе	11
«Погасла в небе первая звезда...»	13
«Снег за окном сиял и пел...»	13
Колодец	14
«Летели в небе журавли...»	14
«Пусть вечна истина простая...»	15
«Яркость луга. Ольхи высота...»	15
«Я о любви кричал во тьму...»	16
Розовое облако	16
«Мне в этой келье незнакомой...»	17
«Сто вьюг, сто морозов земле...»	17
«Отогрелась на солнышке первая бабочка...»	18
«Дай, природа, мне взаймы...»	18
«Внезапно отхлынули беды...»	18
Ночная птица	19
«Когда застанет дождь в Москве...»	19
«Тяжких волн упорная работа...»	20
«Улыбка на губах...»	20
«Что жизнь — река, давно мы уяснили...»	20
«Роня грозный гул с высот...»	21
«Новый день взвалив на плечи...»	21
«Вот говорят: закат багров к беде...»	22
«Ветерок из-за лозы струится...»	22
Сток	23

«Ольха гнездо грачиное колышет...»	23
«Ныряю с берега... Пылит свирепо...»	24
«Все забуду, кроме этих пашен...»	24
«И солнце и звезды мертвы...»	25
«Добром за добро я плачу...»	25
Матери	26
Ближе всех мне, конечно, Есенин	27
«Работа эта мне знакома...»	28
«Человечество, где твои кони...»	29
«Дом как дом. Чугунки да ухваты...»	29
«Нет, не зябко дороге лесной...»	30

Виктор Петрович Смирнов

БЕРЕГ БЫТИЯ

Редактор **Е. А. Антошкин**.

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**.

Сдано в набор 16.06.83. Подписано к печати 12.08.83. А 00706. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,37. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2149. Заказ № 936. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● КВАРЦЕВЫЕ ЧАСЫ ТЕНДЕНЦИЯ БУДУЩЕГО

Новые модели Московского производственного объединения «Второй часовой завод» полностью отвечают этой тенденции Мужские кварцевые часы выпускаются в самых разнообразных, современных оформлениях: корпуса-браслеты, многогранные корпуса, комплектующиеся браслетами из нержавеющей стали.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ТОЧНОСТЬ
ПОВЫШЕННАЯ НАДЕЖНОСТЬ
ВОДОНЕПРОНИЦАЕМОСТЬ (не снимая часы с
руки, можно плавать и нырять)
— ЭТО ЧАСЫ «СЛАВА».

Кварцевые часы не надо заводить (1 батарейка до 2 лет).

Международные выставки убеждают в том, что будущее принадлежит кварцевым часам с аналоговой (т. е. привычной стрелочной) индикацией

По вашей просьбе завод произведет гарантийный и послегарантийный ремонт, подгонку браслета по руке, вышлет по открытке наложенным платежом батарейку питания.

Цена — от 48 до 60 руб

**КВАРЦЕВЫЕ ЧАСЫ «СЛАВА» ОТСЧИТЫВАЮТ
ВРЕМЯ ТОЧНО!**

**МПО «Второй часовой завод»
Центральное Рекламное Агентство
«Реклама»**